

видимому, как Имхотеп был творцом первой ступенчатой пирамиды и, следовательно, предтечей, если не подлинным создателем канона строительного комплекса пирамиды, так и Аменхотеп, сын Хапу, должен был обладать особыми заслугами в области разработки установленного типа наиболее в то время представительной архитектуры, каким является храм¹. Он скончался между 31-м и 34-м годами царствования Аменофиса III². Аменхотеп должен был пребывать с ним в самых близких отношениях, так как они совместно были главными архитекторами фараона, а второй из них в качестве визирия освятил в 31-м году царствования фараона заупокойный храм своего коллеги.

Почетная заслуга воплощения установленного канона сакральной архитектуры в монументальном произведении искусства явилась уделом, пожалуй, визирия Аменхотепа, зодчего храма Мут, храма в Луксоре и прежде всего самого классического египетского храма, каковым является храм Хонсу в Карнаке.

Ясно, что дело Аменхотепов не было исключительно результатом их новаторских предприятий в египетском зодчестве. Элементы канона этой архитектуры медленно вызревали по мере формирования своеобразного соотношения общественных сил, которое в период Аменофиса III приобрело достаточно стабильное выражение для того, чтобы отразить свои характерные и типичные формы в искусстве. Политические поводы ереси Аменофиса IV являются убедительным доказательством того, что конфликт между жречеством и светской властью, борьба за власть, окончившаяся тогда победой жречества, наконец превозношение божества, которое лежало в основе канона храма Нового царства, — все эти моменты созрели уже в этот период для своего монументального воплощения. Возможность установления творца или творцов этого канона лишь подчеркивает облик исторической правды. Уточнению этой правды посвящены наши замечания в недостаточно до сих пор разработанной в науке области проблематики теоретических принципов и правил художественного творчества на отдельных этапах исторического развития обществ рабовладельческой формации.

К. Михаловский
действительный член Польской
Академии наук

К ОПЫТУ ПЕРИОДИЗАЦИИ РИМСКОЙ ИСТОРИИ*

Периодизация римской истории, да и вообще античности, далеко не просто методический вопрос, возникающий перед каждым, кому приходится читать соответствующие курсы, заранее планируя необходимое количество часов на тот или иной раздел. Проблемы периодизации — это область методологических исканий, от правильного решения которых зависит и соответствующее направление научных исследований,

¹ Здесь, быть может, будет уместно упомянуть, что последующая традиция считала Имхотепа творцом трактата о конструкции храмов. На это намекают сообщения о «книжке, которая упала с неба севернее Мемфиса», см. S e t h e, Imhotep (Unt. II), стр. 108 сл. и M o r e t, Du caractère religieux de la royauté pharaonique, стр. 130. П. Б а р г е (ук. соч., стр. 22) полагает, что сохранившиеся предписания ритуала основания храмов представляют собой фрагменты именно этого трактата. Не следует ли ввиду этого полагать, что и Аменхотеп, сын Хапу тоже был автором такого трактата? Поэтому мы с нетерпением ожидаем выхода в свет посмертного труда А. Варийя, представляющего собой плод его долгодетных исследований, под названием «Le sage Amenhotep fils de Napou, maître d'oeuvre d'Amenophis III». Этот труд должен выйти в качестве XIV тома Biblioth. d'Et. de l'IFAO, см. «Revue d'Égyptologie», 1952, стр. VI.

² С. R o b i c h o n — A. V a r i l l e, ук. соч., стр. 15.

* Печатается как отклик на статью проф. С. И. Ковалева «Опыт периодизации римской истории», ВДИ, 1955, № 4, стр. 108—116.

и адекватное истинному положению вещей представление об исторических судьбах того или иного периода развития, и многое другое.

Попытку проф. С. И. Ковалева, предложившего свою периодизацию римской истории, учитывая всю важность поднятых им проблем, можно только приветствовать, полностью согласившись с ним в том, что в основу любой периодизации, относящейся к историческому процессу, должен быть положен принцип развития производственных отношений. Вряд ли нужно оспаривать и то положение, что традиционное деление истории Рима на три периода, носящих оттенок политического, а не социально-экономического характера, не может уже удовлетворять советскую историческую науку.

И все же, даже не будучи защитником устоявшейся традиционной схемы деления римской истории на царский, республиканский и императорский периоды, трудно согласиться с новой схемой, предложенной С. И. Ковалевым. И прежде всего потому, что она не дает, в силу излишней дробности, хронологических граней между предложенными восемью периодами, принципов отбора материала для характеристики предложенных периодов и отдельных этапов внутри этих периодов, — необходимой и достаточно убедительной аргументации в свою пользу.

Если общепринятая традиционная схема деления римской истории не удовлетворяет нас, то только в силу лишь политического звучания названий самих периодов, но отнюдь не потому, что в этом случае речь идет или может идти о заполнении этих периодов истории Рима исключительно или по преимуществу материалом политического содержания. Не историей «царей» мы занимаемся, когда изучаем или излагаем так называемый «царский» период. Не привлекает нашего исключительного внимания и история политических учреждений в период республики. Меньше всего, даже в специальных курсах, мы занимаемся и перечислением бесконечного списка императоров, когда сталкиваемся с проблемами этого последнего периода римской истории, где исследование, а тем более изложение политических институтов, являвшихся надстроечными явлениями, не могут определять самого существа природы Рима и его истории в данный хронологический отрезок времени. Таким образом, речь может идти только о замене традиционно установившихся названий, и не больше того.

Сами по себе довольно громоздкие заголовки всех восьми периодов схемы С. И. Ковалева, кроме последнего, представляя собой перечисление отдельных программных пунктов, не могут уже по одному этому претендовать на название периодов. В самом деле, если для примера взять хотя бы формулировку, предложенную автором для IV периода его схемы, то совершенно очевидным становится, что здесь мы имеем дело с повторением и перечислением программного материала: «Расцвет рабовладельческой системы в Италии. Торжество крупной земельной собственности и латифундиального централизованного рабовладельческого хозяйства. Развитие торгово-ростовщического капитала. Разорение крестьянства. Гражданские войны. Падение республики. Образование римской средиземноморской державы (30-е годы II в. — середина I в. до н. э.)». А так сформулированы характеристики почти всех периодов, кроме восьмого, который оставлен вообще без подобного развернутого «программного» заголовка.

Но дело даже не в этой чисто внешней стороне, которая может быть при дальнейшей работе над схемой периодизации уточнена, сведена к четким формулировкам.

Первый период по схеме С. И. Ковалева значителен как «Возникновение римского поселения. Период территориальной патрицианской общины и военной демократии. Этрусская влияния (начало I тысячелетия — середина VI в. до н. э.)». Надо отметить, что «шапка» этого периода при всей ее излишней полноте не соответствует перечисленному в разделе материалу, где фактически за скобки выносятся, как недостоверные, данные традиции о царях и чрезвычайно спорными объявляются сведения об этрусках, о влиянии которых тем не менее говорится в заголовке периода.

А главное, весь материал этого периода изложен статично: здесь нет (или они противоречиво изложены) данных об основном процессе, свойственном периоду военной демократии, — процессе разложения родоплеменных отношений и перехода к классовому обществу, т. е. не указан основной процесс, характерный для таких переходных отношений, каким был период военной демократии. Напротив, автор пишет о един-

стве римской общины, тем самым зачеркивая свое же положение о наметившихся социальных противоречиях. Соотношения пропорций между предпосылками («социальные противоречия») и выводами (тем не менее «единство») не соблюдены.

Существенные замечания вызывает и трактовка автором схемы материала II периода, посвященного «становлению рабовладельческих отношений и революционной ликвидации первобытно-общинного строя в Риме, развитию мелкой частной собственности на землю и завоеванию Италии (середина VI в.— 80—60 гг. III в. до н. э.)». Прежде всего остается несколько непонятным стремление С. И. Ковалева, исходящего из правильных установок положить в основу своей периодизации развитие производительных сил, ряд элементов этого порядка (античной традицией относимых также и к деятельности царей, при понятном для этой традиции стремлении персонализировать данный процесс) связать только с более поздним по времени периодом.

Не совсем последовательным остается автор и вообще в вопросе отношения его к античной традиции. Оставив открытым вопрос об использовании подобной традиции для так называемого царского периода, он тем не менее находит возможным воспользоваться для подкрепления своего положения о развитии производительных сил в Риме и даже широких торговых связей ссылкой на договор 509 г. с Карфагеном, хотя роль Рима там рисуется весьма далекой от эквивалентных отношений с Карфагеном, запрещающим римлянам плавание в определенных районах (см. Polyb., III, 23). Таким образом, недооценив возможности хозяйственно-экономического развития Рима в первый период, С. И. Ковалев переоценивает достижения последнего в следующий по времени период.

Далее, не возражая против употребления автором термина «революция» в связи с борьбой патрициев и плебеев, даже несмотря на то, что эта революция затянулась на два-три века, все же, исходя из аналогии с греческой действительностью, а равно и соответствующих установок Энгельса, в данном случае надо было бы говорить о политической революции. А раз это так, а иного толкования и быть не может, следует признать недоказуемым и основное положение С. И. Ковалева в этом разделе о ликвидации первобытно-общинного строя, носителями которого с VI в. по начало III в. автор объявляет патрициев, считая, что «борьба плебеев с патрициями была революцией, направленной против первобытно-общинных отношений». «Замкнутая аристократия», чем становились патриции, совсем еще не означает, что они были носителями первобытно-общинных отношений. Напротив: процесс выделения патрициата означал разложение не только первобытно-общинных отношений — вернее было бы сказать — родоплеменных и общинных отношений, — а одновременно сопровождался укреплением элементов частной собственности. Словом, изображать патрициат хранителем первобытной общинности у нас нет никаких оснований.

Нет оснований в свете роста социальных противоречий периода, когда элементы сословной борьбы все больше и больше перерастали в классовую борьбу (см. первую декаду Ливия), объединять за одни скобки «в экспансии Рима» патрицианско-плебейскую верхушку, которую будто бы в этом поддерживала нуждавшаяся в земле беднота. Так истолковывать процесс завоевания Италии значило бы повторять трюизмы о «плуге крестьянина», которым закреплялось завоеванное мечом. Историческая действительность даже в отражении данных Ливия противоречит этому положению, свидетельствуя, напротив, о том, как пресловутая римская «верхушка» всячески стремилась переключить бедноту на внешние завоевания. Не было в природе и в истории Рима «дисциплинированных солдат-юристов», как их угодно было изображать представителям зарубежной историографии. Были крестьяне — плебей-бедняки, которые шли и против «своих» народных трибунов, богатых плебеев, равнявшихся к власти, и не раз оставляли поле боя, если им отказывали в удовлетворении их насущных нужд. Так об этом и надо было бы сказать в периодизации, построенной на признаках социального характера.

Видимо, — используя столь же осторожную формулировку, привякую С. И. Ковалевым, указывающим на «затемненность» предания о реформе Сервия Туллия, но не соглашаясь с ним в существе оценки этой реформы, — последняя была не столько

ударом по родовому строю, сколько началом политической борьбы между патрициями и плебеями, раз к участию в органах государственного строя допускались и непатриции, поскольку в этой реформе имеются отзвуки имущественного принципа деления гражданства (центуриатные комиции).

Не указать же в этом периоде материалов о сложных международных отношениях в Италии, о роли Карфагена, греков, этрусков и их взаимной борьбе — значит не подготовить почву для разоблачения столь укоренившейся идеи, как идея о «вечно великом Риме», неукснительном победителе всех и вся.

Трудно согласиться и с таким дробным делением, которое предлагает С. И. Ковалев для времени с 60-х годов III в. до середины I в. до н. э., разделяя это время на два периода — III и IV. Нельзя найти логическую и смысловую разницу между развитием и расцветом рабовладельческих отношений в Италии. И какая разница между упадком мелкокрестьянского хозяйства или собственности и разорением этого крестьянства? Во всяком случае грань между этими понятиями и явлениями настолько слабо ощутима, что они не могут быть характерными признаками двух разных периодов.

Обезземеленный крестьянин до времени Гракхов и находившийся в таком же состоянии крестьянин времен Суллы в социальном отношении друг от друга ничем не отличались. Не изменилось и принципиальное значение латифундий до восстаний в Сицилии и после них. Да и всадническое сословие в смысле склонности его к ростовщическим операциям и агрессивности его внешнеполитического курса было одинаковым и во времена Сципиона — Фламиния, т. е. на рубеже III и II вв. и на рубеже II и I вв. Словом, только количественный признак при отсутствии нового качественного различия — слишком зыбкое основание для периодизации.

Дав довольно развернутые и насыщенные хозяйственно-экономическими данными тезисы о конкретно-историческом материале, в частности по этим двум периодам, С. И. Ковалев не подчеркнул и даже просто опустил, например для своего III периода, свидетельства о нарастании элементов народно-освободительных войн в покоренных и покоряемых Римом провинциях, односторонне сводя весь этот процесс только к периоду больших завоеваний Римом Средиземноморья.

Между тем события в Испании, Греции, Африке и других областях Средиземноморья должны были бы найти свое место и как элементы, равноправно определяющие предпосылки периодизации, так и рисующие характер того или иного периода, и не только во избежание опасности впасть в «тощую технологию».

Этот социальный элемент не получил должного звучания и в IV периоде, предложенном С. И. Ковалевым. Сказать, что противоречия «между городской беднотой и богатыми рабовладельцами играли второстепенную роль» в событиях периода, это значит слишком ограничительно истолковать римскую действительность того времени, нашедшую классическое выражение в формуле Маркса о том, что всю внутреннюю историю республики можно свести к борьбе мелкого землевладения с крупным. Если вспомнить к тому же и другое высказывание классиков марксизма о рабах как «пассивном пьедестале» для борьбы между свободными, то совершенно очевидным становится и вся неправомерность столь ограничительной трактовки классовой и социальной борьбы римского люмпен-пролетариата, вчерашнего крестьянства, стремившегося к земле, выражением чего и были попытки аграрного законодательства. Нам хорошо известно положение Сисмонди о разнице между пролетариатом древнего мира и пролетариатом современности. Но откуда еще не следует делать выводов о принципиальном паразитизме древнего пролетария, как это обычно принято утверждать. Таким он становился именно вследствие того, что его, вчерашнего свободного крестьянина, мелкого производителя, разорял крупный рабовладелец, не давая ему возможности вернуться к производительной деятельности. Кроме этих люмпен-пролетариев были и те прототипы будущих наемных рабочих, которых в виде военных наемников знала античность не только греко-эллинистическая, но и римская, если учесть существо римской армии после реформы Мариа. Все это уже было явлением социального звучания, а не моральной категорией; наемничество же было социальным институтом древности, о чем

говорит и историческая действительность и отражение ее в соответствующей переписке Маркса и Энгельса.

Нельзя, думается, сводить и характер народно-освободительных войн этого периода только к проблеме противопоставления граждан и неграждан, как это фактически дано сейчас С. И. Ковалевым, сделавшим ударение на «сословно-юридических моментах, вытекающих из факта завоевания».

В связи с этим вызывает возражение и трактовка автором закона «полного соответствия производственных отношений характеру и уровню развития производительных сил» как фактора, якобы смягчавшего остроту социальных противоречий периода II и I вв. до н. э. Фактически и логически это может повести только к выводу о беспечности социальных движений, направленных против рабовладения, к тезису о том, что подобные движения лишь «затемняют» данный закон обязательного соответствия в период восходящей линии этой антагонистической системы, что и имело место в советской историографии, на которую ссылается С. И. Ковалев. Но совершенно очевидно, что подобная трактовка данного закона и является тем «прокрустовым ложем», о котором уже приходилось говорить при обсуждении макета II тома «Всемирной истории», поскольку именно при этом не учитывается решающее значение всякого рода социальных и классовых битв, прогрессивное значение которых не умалялось даже при наличии временного разгрома боровшихся.

Между тем в периодизации С. И. Ковалева как раз и нет указаний на эту ведущую роль именно социальных движений. Он пишет только о «деградация крестьянства», например, а не о борьбе той же свободной бедноты совместно с рабами (восстание Спартака в этой связи даже не упомянуто), приведшей, кстати говоря, к стремлению рабовладельцев ввести институт так называемых «доморожденных» рабов, — к росту пекулия, как переходного этапа к колонатным отношениям. У С. И. Ковалева этот вопрос вообще обходится молчанием, а совместная борьба рабов и свободной бедноты рисуется только в качестве явления, «тормозившего процесс консолидации средиземноморского рабовладения в целом».

Односторонний угол зрения здесь совершенно очевиден. Буржуазные историки из этой социальной коллизии делают апологетические выводы в отношении рабовладения. Но не можем и мы в данном контексте удовлетвориться только указанием на то, что в этом случае «получилось резкое несоответствие между политической формой и классовым содержанием римского государства», как это сделал С. И. Ковалев. Свести вопрос только к «несовершенному аппарату управления», который «не мог обеспечить дальнейшее развитие средиземноморской рабовладельческой системы», назвав и саму империю только «выросшей из военной диктатуры», а не военно-рабовладельческой диктатурой как таковой, — все это и будет являться односторонним изложением исторического процесса с точки зрения интересов самого рабовладения, без учета решающего фактора, каковым была борьба с этим рабовладением, прогрессивная даже одним тем, что императорский период, период военно-рабовладельческой диктатуры, был последней ставкой рабовладения, а не просто изменением политической надстройки, вызванной расширением экономического базиса, как этот вопрос излагает С. И. Ковалев.

Изображать, в частности, падение полиса в качестве результата деградации крестьянства, военной опоры этого полиса, по выражению С. И. Ковалева, было бы неверно и потому, что именно в борьбе также и с этим крестьянством, пауперизировавшимся и пролетаризировавшимся рабовладельцем, и выросла империя, как объективное выражение военно-рабовладельческой диктатуры. Поэтому же, очевидно, у нас нет оснований возвращаться и к схеме Моммзена, т. е. рисовать в лице Цезаря, хотя бы и частично, демократического монарха, как это представляется С. И. Ковалеву, утверждавшему, что последний опирался также и на демократические слои. В свете его мероприятий, например принудительной эмиграции для люмпен-пролетариев, не говоря уже о других действиях, подобная характеристика власти Цезаря не является убедительной.

Очень противоречиво охарактеризован С. И. Ковалевым и V период римской истории его схемы. И это — противоречивость не действительности, о которой говорится

в данном разделе, а противоречивость исходных установок самого автора. Прежде всего нельзя назвать убедительной попытку говорить о расцвете рабовладельческой системы Средиземноморья, одновременно говоря о кризисе в Италии, если не хозяйственном, то политическом.

Содержательно и достаточно глубоко прокомментированный С. И. Ковалевым основной материал Принципата (т. е. первой половины империи по общепринятой схеме) все же нуждается в известных коррективах в духе выдвинутых выше критических замечаний. Думается, что характеристика перехода к высшим формам рабовладения опять же нуждается в подтексте социального характера, поскольку попытки введения таких «высших» форм сопровождалась ростом борьбы широких народных масс окраин римского мира. Стоит вспомнить «полицейские» войны Августа в Испании и другие факты. И опять же искусственно расчленение V и VI периодов схемы С. И. Ковалева привело его к столь же искусственной попытке увязать периоды и места расцвета и кризиса рабовладельческой системы.

Показательно прежде всего то обстоятельство, что тот же V период в схеме автора, построенный им на данных экономического порядка, при разбивке на отдельные этапы (пять по счету) дается, в основном, при характеристике этих этапов в политическом разрезе. А главное, более пессимистически звучащая характеристика этих этапов не вяжется с весьма оптимистическим тезисом автора о высшей ступени и консолидации средиземноморских рабовладельцев на фоне ухудшения положения колоннов (хотя о предыдущем их хорошем положении, да и вообще о появлении этого института до этого, ничего не было сказано), обнищания городского населения, роста недовольства в провинциях и т. д. Вся эта противоречивость — опять же только результат «технологического» подхода к историческому процессу.

Это особенно сказывается и при характеристике С. И. Ковалевым данных по VI периоду его схемы. Отрицательно относясь к теории абсолютного упадка производительных сил в процессе развития рабовладения, автор считает марксистско-ленинским пониманием причин перехода от одной общественной формации к другой резкое нарушение закона обязательного соответствия, считая именно потому и исключенным понятие об абсолютном упадке производительных сил. Превращая в логическую формальную категорию закон обязательного соответствия, С. И. Ковалев тем самым резко расходится сам с исторической действительностью, обобщением которой как раз и является данный закон. Он упускает из виду то простое обстоятельство, что производительные силы как раз и истребились, расточались и истощались рабовладельцами, превращавшими, по образному выражению Энгельса, цветущие сады в пустыни: «...Крупный землевладелец, покоряющий природу и обрабатывающий землю посредством рабов и крепостных, оказывается чистойшей фантазией. Наоборот; там, где он появлялся в древности, как в Италии, он не пустыри делал плодородными, а превращал в пастбища обработанные крестьянские земли, опустошал их и разорял целые страны»¹. Это великолепно понимали и знали современники римских рабовладельцев, говоря устами британца Калгака: «Грабить, убивать, похищать — этому они дают лживое наименование власти, а там, где они создают пустыни, они говорят, что они установили мир» (Тацит, *Агрикола*, XXX).

Именно это положение после соответствующих критических замечаний было осознано и авторами «Учебника политической экономии», внесшими во второе издание этого руководства существенные изменения в основной закон рабовладельческого общества, подчеркнув в нем элемент истребления производительных сил за счет захвата у непосредственных носителей производительных сил не только прибавочного, но и необходимого продукта.

Между тем С. И. Ковалев сводит этот процесс к какой-то алгебраической формуле «относительного упадка, т. е. известной задержке развития». Согласиться с этим нельзя. Выдвигая на передний план технологическую сторону вопроса развития производительных сил, автор забывает вторую сторону проблемы: живых людей и их

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 180.

борьбу, В самом деле, сказать, что рабовладельцы делали попытку привести производственные отношения в соответствие с производительными силами, вводя колонат, как раз и означает отклонение от исторической действительности. Ведь те же рабовладельцы прекрасно понимали, что труд раба был менее производительным, чем труд свободного и полусвободного, и раньше, т. е. задолго до VI периода римской истории (стоит вспомнить, например, lamentации Колумеллы). Но рабовладельцы раньше не переходили к тем же колонатным отношениям: тогда был достаточный приток рабов. Именно возрастание отпора со стороны порабощаемых и порабощенных, нарастание их ударов по рабовладению, возрастающая активность так называемого варварского мира, сокращение притока рабов в конечном счете — таковы были причины кризиса и падения рабовладельческой системы.

Об этом и надо бы сказать в соответствующем месте схемы периодизации. За фасадом «лукулловских обедов» нельзя не видеть истребления самого главного, истребления живой силы непосредственных носителей производительных сил и их всегда прогрессивной борьбы против сил порабощения. Ведь и колонат был не столько изобретением «сверху», сколько диктатом «снизу». Во всяком случае его нельзя считать октроированным самими рабовладельцами, как это изображается С. И. Ковалевым.

Равным образом нельзя согласиться с ним и в вопросе трактовки противоречия между римлянами и неримлянами в связи с изданием закона Каракаллы в 212 г. Считать это только модификацией старого противоречия между гражданами и негражданами и сводить его только к юридической стороне дела было неверным и для начала I в. до н. э., учитывая разность интересов социального порядка как среди италиков, так и среди римлян. Тем более эта правовая сторона имела третьестепенное значение в III в. н. э., когда звание римского гражданина стало синонимом подданства и символом усиления тягот всякого рода, когда римские граждане, по свидетельству самих же рабовладельческих источников, предпочитали бежать к «варварам». Словом, широкое дарование прав римского гражданства отнюдь не было снятием противоречий между римлянами и неримлянами. В более поздние времена усилилось не противоречие между римлянами и неримлянами, как об этом пишет С. И. Ковалев: римская беднота, свободная и несвободная, отныне все чаще и чаще стала находить общие пути с неримлянами, «варварами» в борьбе с рабовладельцами и рабовладением. И здесь меньше всего могло иметь место именно «усиление противоречий» юридически сословного порядка. И поэтому надо было бы обратить внимание не столько на отношения племенных вождей варварского мира к восставшим рабам и крупным земельным собственникам, сколько на отношении варварского мира в целом, т. е. народных масс варварской периферии, к народным массам Римской империи, что в данном контексте своей периодизации С. И. Ковалев совершенно не отметил.

Основным остается «технологический» подход С. И. Ковалева и к анализу исторического процесса также и для поздней Римской империи при сопутствующем подчеркивании главным образом политических событий, которые, хотя автор в предисловии и своей периодизации и указывал на их только второстепенное значение, изгоняя их в дверь, вновь лезут в окно, если вчитаться в абзацы также и последних периодов периодизации С. И. Ковалева.

Весьма противоречиво выглядят и основные экономические характеристики, например VII периода данной схемы. Если в нем идет речь о временном ослаблении кризиса, — подразумевается рабовладения, — то это никак не вяжется со следующей фразой о развитии крепостнических отношений в этот период. Здесь одно исключает другое.

Очень неубедительно звучит и формулировка С. И. Ковалева о колонате только как «модификации рабства». Ведь колонат имел и другую линию происхождения: превращение свободных арендаторов в крепостных, прикрепленных вначале только к земле, а не к личности землевладельца, крестьян. И общество позднего Рима поэтому нельзя назвать только рабовладельческим: оно было переходным от рабовладельческих отношений к феодальным, хотя бы по одному тому, что колоны были, по выражению Энгельса, предшественниками средневековых крепостных. Но главное, и в отношении этого периода своей схемы истории Рима С. И. Ковалев, стараясь последовательно

привести в соответствие производственные отношения с уровнем и характером производительных сил, совершенно отвлекается от вопросов социальной борьбы широких народных масс, ни одним словом не упоминая в этом разделе своей периодизации о каких бы то ни было актах классовой борьбы. Поэтому у него так не мотивированно и появляется социальная революция в VIII заключительном периоде его схемы, хотя перед этим он отрицал наличие ее.

Конец Рима сведен С. И. Ковалевым к VIII периоду, кстати оставленному без всякой экономической характеристики и в заголовке раздела и в перечислении пунктов, где дается содержание этому столетнему периоду. Поскольку здесь на первый план выдвигаются «варвары» и их контакт с внутренними революционными силами римского общества, последние вновь не получают самостоятельной соответствующей характеристики.

Здесь уместно отметить последовательность точки зрения С. И. Ковалева, который еще в своей статье «О характере социального переворота III—V вв. в Западной Римской империи» (ВДИ, 1954, № 3) писал, что в рабовладельческом обществе позднего Рима имело место «исчезновение в процессе борьбы самих классов как социальных категорий». По его мнению, «победа эксплуатируемых классов исключалась. Следовательно, классовая борьба была бесперспективной, выливалась в длительный ряд восстаний, их подавлений, новых восстаний и т. д.». Оказывается, при «отмирании» рабовладения и соответствующих ему антагонистических классов просто появляются новые классы новой формации. Решает положение и здесь сам по себе закон обязательного соответствия. Не нужна, значит, и тысячелетняя борьба с рабовладением, поскольку рабовладельцы превращаются ходом вещей в «колonoвладельцев». Автор при этом категорически отрицает наличие класса гегемона в борьбе против рабовладения.

Это, другими словами, напоминает своеобразную теорию о том, что именно феодалы, объединившиеся с крестьянами, провели успешную борьбу и против рабовладельцев, и против рабов.

Положения не спасает и оговорка С. И. Ковалева о «варварских племенах», взятая условно и в скобках. Да и эти племена при такой концепции играют только роль иностранных интервентов, если логически рассуждать, поскольку от вторжения этих «варваров» Рим не был спасен собственным классом «гегемоном». Во всяком случае при подобном подходе к социальной действительности вне поля внимания автора остается именно единство интересов рабов и «варваров».

Вывод автора о деструктивном характере революции рабов и колonoв в этом случае является только логическим результатом его особого подхода к историческим материалам, связанным с античностью.

Эти спорные, противоречивые положения и установки статьи С. И. Ковалева по вопросу о периодизации римской истории невольно заслоняют те бесспорно ценные и глубокие данные, приводимые им для характеристики отдельных сторон жизни Рима, относящиеся к хозяйственно-экономическим и культурным сторонам римской истории, которые безусловно заслуживают быть учтенными при любой предложенной кем бы то ни было периодизации этого раздела истории античности.

Что касается самой периодизации римской истории, то кажется, что было бы более целесообразным придерживаться старых хронологических рамок трех периодов, из которых каждый (царский, республиканский и императорский) в свою очередь было бы целесообразно поделить примерно поровну в смысле времени на два этапа.

Схема периодизации при этом рисуется примерно следующая:

I период. Рим — община (зарождение рабовладения).

1-й этап. Время родоплеменных отношений — рубеж II и I тысячелетий, до традиционной даты основания Рима — середины VIII в.

2-й этап. Разложение родоплеменных отношений — военная демократия; под влиянием связей с этрусками — так называемый царский период (середина VIII в. — конец VI в. до н. э.)

II период. Рим — рабовладельческая республика (равитие рабовладения).

1-й этап. Становление рабовладельческих отношений под влиянием внутренней сословно-классовой борьбы и в связи с внешнеполитическими отношениями в Италии, оканчивающимися завоеванием Римом Апеннинского полуострова.

2-й этап. Развитие рабовладения в условиях нарастания классовой борьбы, перерастающей в гражданскую войну, и превращения Рима в средиземноморскую державу. 1-й этап с конца VI в. до н. э. до середины III в. до н. э.; 2-й этап — середина III в. до н. э. — конец гражданской войны.

III период. Рим — рабовладельческая империя (гибель рабовладения)

1-й этап. Относительная стабилизация рабовладения в условиях военно-рабовладельческой диктатуры времени Принципата и в обстановке созревания условий для окончательной борьбы с рабовладением.

2-й этап. Кризис рабовладельческой системы, несмотря на усиление военно-рабовладельческой диктатуры времени Домината, и гибель этой системы под нарастанием совместной борьбы с ней свободной и несвободной бедноты (колонов и рабов), объединившихся с «варварами», вторгающимися в пределы Римской империи.

В расшифровку содержания этих периодов вписывается тот конкретный материал, который приведен в статье С. И. Козалева, с учетом критических замечаний, сделанных по вопросам социальной стороны процесса римской истории.

Проф. П. Н. Тарков

К НЕКОТОРЫМ ВОПРОСАМ ГРАММАТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ УРАРТСКОГО ЯЗЫКА

1. Грамматические категории, характеризуемые суффиксом $-(i)ni$

Характерной чертой морфологии урартского языка является существование нескольких грамматических категорий, образованных при помощи суффикса $-(i)ni$. Такое внешнее совпадение функционально отличных друг от друга грамматических категорий являлось зачастую причиной их отождествления, что приводило к неправильному пониманию той или иной грамматической формы и смысла всей фразы в целом.

Поэтому, разбирая урартские грамматические формы, образованные суффиксом $-(i)ni$, следует строго их разграничивать в зависимости от их морфологических и синтаксических функций.

Суффикс-детерминант $-(i)ni$. Суффикс $-(i)ni$ выступает в урартском языке в качестве элемента, дополняющего основу имени или образующего новую именную основу, являясь в таком случае неотъемлемой частью последней. В функциях элемента, дополняющего основу имени, данный суффикс выступает в формах множественного числа имен существительных, образованных суффиксом $-še$: $baušinili < baušē-ini-li$; $arniušinili < arniuše-ini-li$; в отдельных словах: $ḫuradinili < ḫuradi-ini-li$, $esinini < esi-ini-ni$, $pulusinikaī < pulusi-ini-kaī$ и др. Суффикс $-(i)ni$ можно выделить также в прилагательных, образованных адъективным суффиксом принадлежности $-ḫi/e$ ¹. Основа слова на

¹ Некоторые исследователи за адъективный суффикс принадлежности принимают формант $-ḫini$. Но частица $-ni$, например, в форме ^{1D}Sarduriḫiḫiše является составной частью не суффикса, а основы прилагательного ^{1D}Sarduriḫi, так как в падеже субъекта при непереходных глаголах прилагательное на $-ḫi/e$ выступает уже без суффикса $-(i)ni$ ^{1I}šruinini ^{1D}Sarduriḫe (УКН 19 2, 18, 27 и др.), ^{1M}enuani ^{1I}šruiniḫe (УКН 24 лиц. ст. 12, 30, и др.). Следовательно, прилагательное, выражающее отношение принадлежности, образуется при помощи суффикса $ḫi/e$, а $-(i)ni$ является элементом, дополняющим основу прилагательного. Данный суффикс находит соответствие в хурритском языке, где в аналогичных функциях употребляется суффикс $-ḫe$ (см. E. A. Speiser, Introduction to Huerian, New Haven, 1944, 158).